

1. Богущ Д. Инвестиционный имидж Украины [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://blogs.pravda.com.ua/authors/bogush/4d002f43397d6/>
2. Добровольская Н. Формирование положительного имиджа Украины на мировом рынке инвестиций [Электронный ресурс]. – Журнал BUILD Review. – №5, 2010 від 03.09. 2010 / Режим доступа: <http://www.house-ua.com/news/4953-Formirovanie-polozhitelnogo-imidzha-Ukraini-na-mirovom-rinke-investitsiy/>
3. Задорский В. Инвестиционный имидж как инструмент привлечения инвестиций. попытка системного анализа [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://blog.liga.net/user/vzadorskiy/article/7469.aspx>
4. Инвестиции в Украину: 10 лучших компаний 2010 года [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.kyivpost.ua/business/news/investitsii-v-ukrainu-10-luchshih-kompanij-2010-goda-9176.html>
5. Концепція Державної цільової програми розвитку інвестиційної діяльності на 2011–2015 роки [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://in.ukrproject.gov.ua/index.php?get=564&id=2548>.
6. Литвіненко Є. Шляхи удосконалення інвестиційного клімату України в умовах економічної кризи // Реалії та перспективи інноваційного розвитку України (економічні, фінансові та правові аспекти). Збірник матеріалів Х Міжнародної науково-практичної конференції молодих науковців 26 березня 2010 року. Частина II. – К. : УДУФМТ, 2010. – С. 90-92.
7. Негодина М. Бренд України – що повинен зробити бізнес [Электронный ресурс] / М. Негодина / Режим доступа: <http://innovations.com.ua/ua/articles/14196/brend-ukrajini-sho-povinen-zrobiti-biznes>
8. Прирост прямих іностраних інвестицій в Україну за 1-е півроку 2012 г. скоротився на 3% [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.ua-ir.com.ua/ru/investments>
9. Украина находится «в хвосте» мирового рейтинга условий ведения бизнеса между Либерией и Боливией [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://delo.ua/world/ukraina-nahoditsja-v-hvoste-mirovogo-rejtinga-uslovij-vedenija-b-166466/>
10. Черноплеча О. Проблема формування економічного іміджу України в контексті євроінтеграції // Дослідження міжнародної економіки: Збірник наукових праць. – Вип. 2(67). – С. 111-123.

**Бондарь А. Г. Инвестиционный имидж Украины в контексте формирования ее национального бренда**  
 Рассмотрены проблемы формирования позитивного инвестиционного имиджа Украины в контексте стратегии ее национального брендинга. Цель автора – рассмотреть существующие подходы по улучшению инвестиционного климата Украины и выявить перспективы роста инвестиционной привлекательности страны. В рамках исследования даны рекомендации в данном направлении. Автор доказывает, что инвестиционная привлекательность – наиболее приоритетный вектор формирования национального бренда Украины.

*Ключевые слова:* инвестиционный имидж, стратегия национального брендинг, бренд Украины.

#### **Bondar A. Investment image of Ukraine in the context of forming its national brand**

There have been covered issues dealing with creating a positive investment image of Ukraine in the context of its national strategic branding. The author's purpose is to review existing approaches regarding an improvement of the investment climate in Ukraine and to identify the growth prospects of the investment attractiveness of the country. There are recommendations in this regard within the framework of this research. The author proves that the investment attractiveness is the highest priority vector in terms of forming the national brand in Ukraine.

*Keywords:* investment image, strategy of place branding, brand «Ukraine».

Надійшла до редколегії 01.03.2013 р.

УДК 321.7

**Е. Г. Дьякова**

*Институт философии и права Уральского отделения Российской Академии наук*

### **ПЕРЕХОД К ЭЛЕКТРОННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ<sup>1</sup>**

Существующие модели электронного правительства (модель Всемирного банка, модель Лэйна и Ли, модель Департамента по социальным и экономическим вопросам ООН и др.) рассматривает основные стадии его формирования, игнорируя социальный и культурный контекст, в котором это формирование происходит. Это, с одной стороны, позволяет проводить операционализацию и осуществлять мониторинг перехода к электронному правительству на уровне стран мира, а с другой, существенно искажает реальную специфику этого процесса. Как показывает анализ опыта США, Китая и России, при переходе к электронному правительству ключевую роль играют особенности национальной административной культуры, которые определяют цели перехода, и, следовательно, характер принимаемых практических решений.

*Ключевые слова:* информационные технологии, электронное правительство, модели перехода, операционализация, административные традиции

В настоящее время термин «электронное правительство» приобрел глобальный характер. Разработан целый ряд моделей перехода к электронному правительству, а работа по его внедрению ведется в подавляющем большинстве стран мира. Однако вопрос о том, каковы границы применимости существующих моделей при анализе конкретных процессов, происходящих в отдельных странах, остается практически неизученным. В данной статье будут проанализированы основные модели, обеспечивающие выработку международных

<sup>1</sup> Статья подготовлена в рамках совместного проекта № 12-П-6-1007 Института философии и права УрО РАН и Института философии и права СО РАН «Общественные науки и модернизационные вызовы XXI века».

индикаторов степени развития электронного правительства, а затем на опыте США, Китая и России показана относительная применимость данных моделей.

С электронным правительством связывают надежды на превращение неповоротливых, замкнутых на себя бюрократических структур в гибкие, эффективные и прозрачные для граждан. Это должно произойти благодаря использованию информационно-коммуникационных технологий для того, чтобы:

а) обеспечивать функционирование государственного аппарата (для описания взаимодействия между сотрудниками государственной власти в формате он-лайн введен специальный термин «электронный документооборот»);

б) анонимно и оперативно оказывать гражданам самые разнообразные услуги (в идеале – в режиме 24/7/365, то есть двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю триста шестьдесят пять дней в году);

в) осуществлять обратную связь в режиме реального времени между гражданами и органами власти («электронное участие», «электронная демократия» и т. п.).

Глобальный дискурс «электронного правительства» операционализируется через систему международных рейтингов. С 2001 году Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН (UN DESA) осуществляет мониторинг развития электронного правительства в 192 странах мира. Рейтинги UN DESA выступают в качестве основных ориентиров при разработке национальных стратегий к электронному правительству и именно на них принято ссылаться при оценке эффективности данных стратегий.

Лидеры в сфере перехода к электронному правительству постоянно меняются, хотя в полном соответствии с теорией диффузии инноваций среди них преобладают развитые страны: объем валового внутреннего продукта является решающим фактором, влияющим на уровень развития электронных государственных услуг [11, с. 397].

В 2012 г. первую позицию заняла Южная Корея [19, с. 126], что объясняется высоким качеством государственного портала [www.korea.go.kr](http://www.korea.go.kr). Данный портал интегрирует все государственные службы и обеспечивает взаимодействие с пользователем по множеству каналов (включая мобильную связь) в персонализированном проактивном режиме (т.е. информирующего его о темах, представляющих для него интерес, но дожидаясь запроса). Для получения электронных услуг действует защищенный портал <http://egov.go.kr>. Для обеспечения электронного участия существует специальная он-лайн служба «ePeople» ([www.epeople.go.kr](http://www.epeople.go.kr)), также интегрирующая все правительственные подразделения.

Также в пятерку лидеров в 2012 году вошли Нидерланды, Великобритания, Дания и США.

Лидером в регионе Восточная Европа остается Эстония (см. Таблицу 1), где через государственный портал [www.eesti.ee](http://www.eesti.ee) граждане могут получать самые разнообразные услуги и голосовать на выборах (для этого на портале имеется электронная карта избирателя).

России в 2012 году совершила скачок с 59 позиции в рейтинге 2010 года на 27. Эти успехи объясняются созданием «очень солидного и репрезентативного портала государственных услуг со ссылками на все министерства и ведомства и богатым набором технических функций», который обеспечивает точку единого доступа ко всем государственным и муниципальным услугам и дает возможность гражданам и организациям получать эти услуги в электронном виде [19, с. 39].

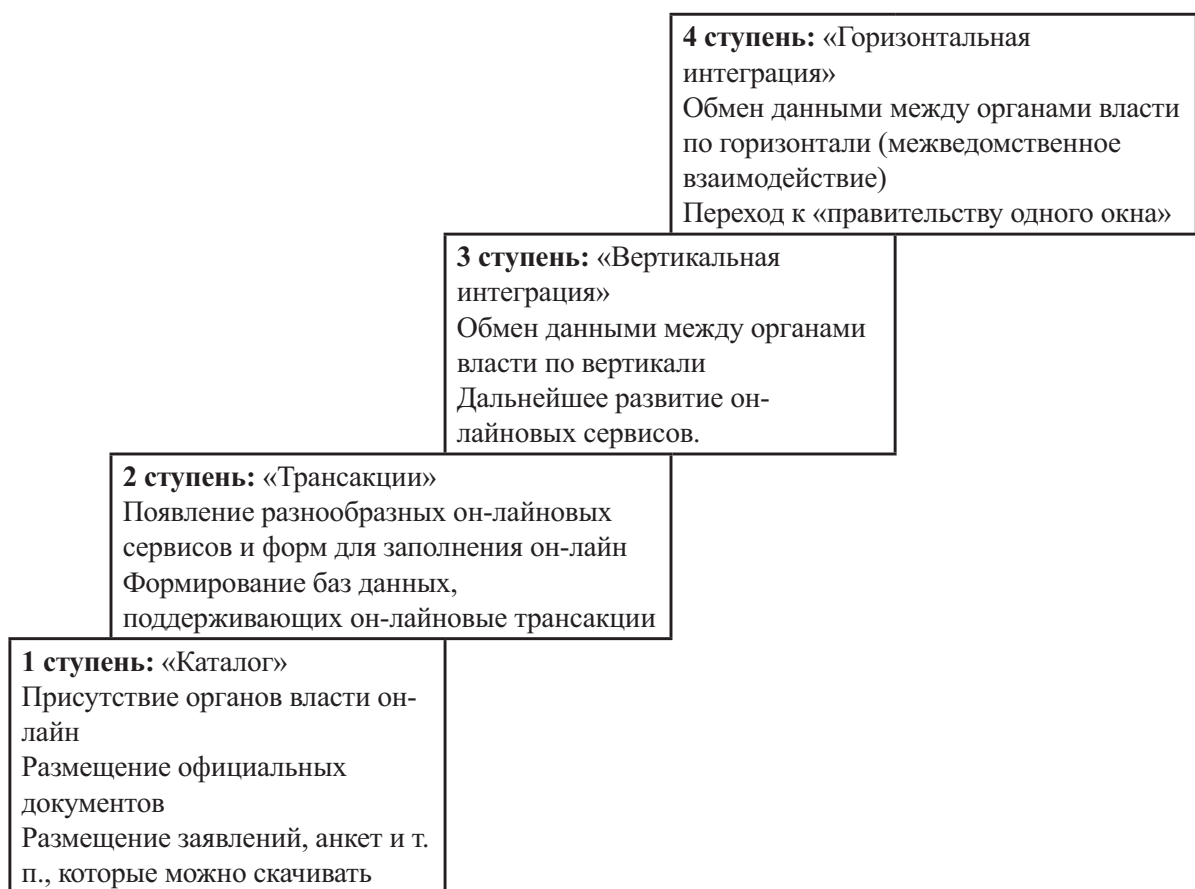
В целом мониторинг UN DESA позволяет уравнивать страны с очень разными политическими и управленческими традициями, приводя все разнообразие развития к некоему набору общезначимых показателей. В рамках мониторинга это и объяснимо, и необходимо. Однако в результате вопрос о том, как отражается на переходе к электронному правительству национальная специфика, отходит на задний план. Данный переход мыслится как результат серии правильных управленческих решений стратегического и тактического уровней. При этом социальный и культурный контексты, в котором функционируют управленческие органы, так же, как особенности политического режима, который они обслуживают, последовательно игнорируются.

**Таблица 1. Рейтинг развития электронного правительства версия UN DESA, 2012 г., регион Восточная Европа**

	Страна	2012 год	
		Баллы	
1.	Эстония	20	0,7987

2.	<b>Российская Федерация</b>	<b>27</b>	<b>0, 7435</b>
3.	Литва	29	0, 7333
4.	Венгрия	31	0, 7201
5.	Латвия	42	0, 6604
6.	Чехия	46	0, 6491
7.	Польша	47	0, 6441
8.	Словакия	53	0, 6292
9.	Болгария	60	0, 6132
10.	Белоруссия	61	0, 6090
11.	Румыния	62	0, 6060
12.	<b>Украина</b>	<b>68</b>	<b>0, 5653</b>
13.	Молдавия	69	0, 5626

Примечание 1: Подготовлено на основе [19].



**Рис. 1. Четырехступенчатая модель перехода к электронному правительству  
К. Лэйн и Дж. Ли**

Такое «обнуление» социальных и культурных контекстов характерно и для большинства теоретических моделей, описывающих переход к электронному правительству. В настоящее время существует не менее 12 таких моделей, различающихся как представлением об основных стадиях перехода, так и о конечном этапе, которым он должен завершиться [13].

Одним из наиболее типичных примеров построения модели электронного правительства (особенно с учетом ее последующего влияния) можно назвать модель К. Лэйн и Дж. Ли [12]. Лэйн и Ли выделили четыре стадии перехода к электронному правительству (см. Рис. 1).

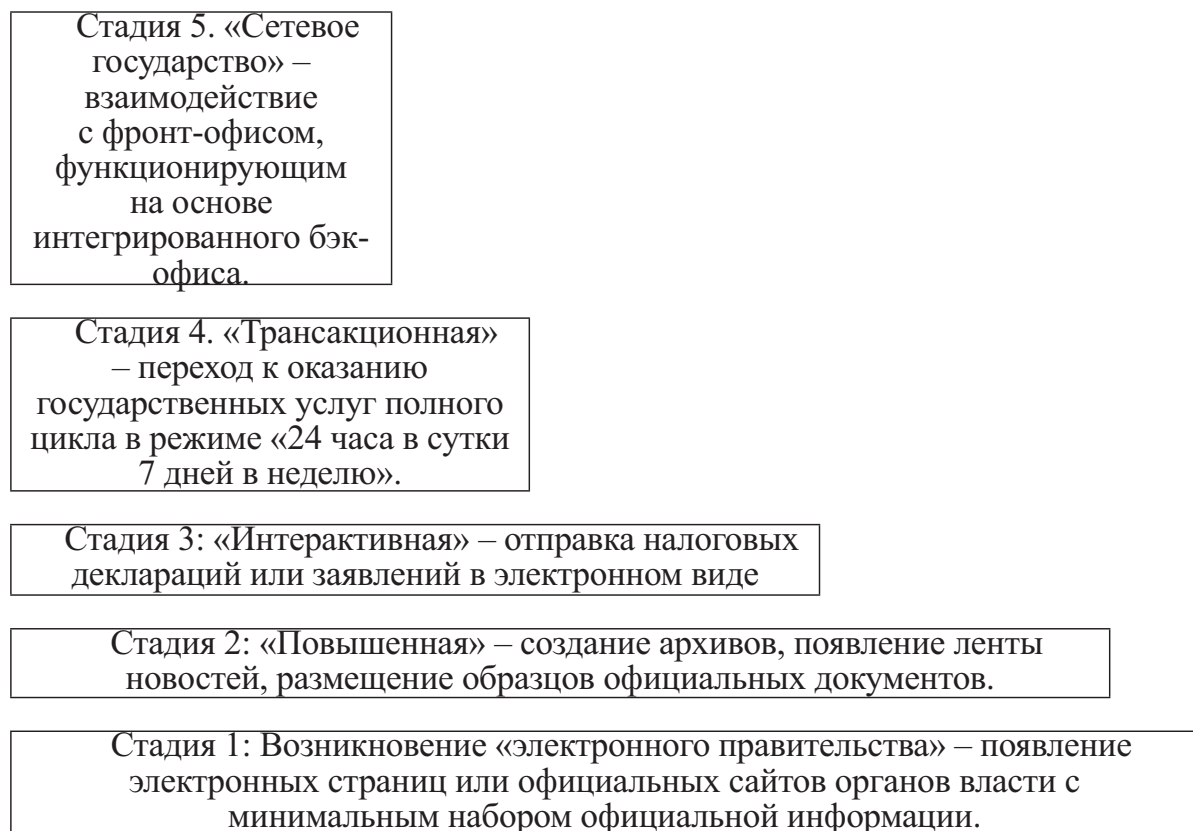
Высшей стадией, в соответствии с их моделью, является стадия горизонтальной интеграции, предполагающая, что базы данных, сформированные различными органами власти, обмениваются между собой информацией (в идеале – в автоматическом режиме, так, что исполнители только контролируют данный процесс, но не выполняют конкретных функций). Лэйн и Ли осознавали, что горизонтальная интеграция, при всей ее потенциальной эффективности, находится в явном противоречии с традиционной

административной культурой, поэтому они предупреждали (и это предупреждение будет многократно повторяться в следующие годы), что она требует кардинальных изменений в мышлении сотрудников органов власти.

Модель Лэйна и Ли легла в основу т. н. пятиступенчатой «пирамиды эволюции электронного правительства», разработанной UN DESA. Как видно на Рис. 2, высшей стадией в данной модели также является интегративная, причем вертикальная и горизонтальная интеграция объединены вместе [19].

Именно на основе данной пирамиды Департаментом по экономическим и социальным вопросам ООН осуществляется оценка степени развития электронного правительства и составляются вышеприведенные рейтинги.

Нетрудно заметить, что модель ООН фактически игнорирует проблему повышения прозрачности государственного управления и участия граждан в принятии управленческих решений. Точнее, эксперты ООН используют еще один дополнительный индикатор – «электронное участие» («e-participation») с целью зафиксировать, могут ли граждане направлять в электронном виде обращения в органы власти и выдвигать свои предложения на официальных форумах, дискуссионных площадках и т. п. Однако пока значения этого индикатора не оказывают значимого влияния на итоговый рейтинг.



**Рис. 2. Пирамида «электронного правительства» по версии Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН**

Если ООН, Всемирный банк и другие международные организации так и не вышли за рамки технологического подхода к моделированию электронного правительства, то целым рядом академических исследователей были сделаны попытки создать модель электронного правительства, ориентированную на граждан. В основном это достигалось путем добавления к уже известным нам стадиям еще одной, стадии «цифровой демократии» или «интерактивной демократии». Так, поступили, например, Сью и Лонг [18]. На стадии «интерактивной демократии» граждане получают возможность активно участвовать в политической жизни, используя такие инструменты, как электронные опросы, форумы, собрания, а в пределе – и электронное голосование. Как отметил Дж. Ли, переход к «интерактивной демократии» требует «политического скачка» и логически не обоснован: совершенно неясно, зачем со стадии интеграции (получившей у Сью и Лонга название «стадии трансформации») переходить к электронной демократии [13].

Все перечисленные модели объединяет отказ от учета национальных контекстов, без чего невозможно в полной мере выявить особенности получающихся систем и причины, которые ведут к удачным или неудачным решениям. Как показала А. Д. Трахтенберг, это

объясняется тем, что электронное правительство выполняет важнейшую идеологическую функцию, выступая как институциональный миф, обеспечивающий устойчивость органов власти путем приведения их деятельности в формальное соответствие с внешними критериями рациональности [6].

Мы исходим из того, что переход к электронному правительству – это процесс не только технологический, но и социальный, поэтому он отличается ярко выраженной национальной спецификой, которая определяет цели этого перехода и, следовательно, набор конкретных решений, которые рассматриваются как приемлемые и потенциально эффективные. Чтобы осознать это, достаточно сравнить процесс перехода к электронному правительству в таких различающихся по многим социальным и культурным параметрам странам как США и Китай.

Напомним, что сам термин «electronic government» был впервые употреблен вице-президентом А. Гором в 1993 году. В этом же году администрацией Президента США были опубликованы рекомендации по ре-инжинирингу управленческих структур с помощью информационных технологий. Появились первые «виртуальные федеральные агентства» (фактически порталы соответствующих органов власти), а затем – единый портал FirstGov.org. В 1999 году Президент Б. Клинтон выпустил меморандум, в котором излагались основные принципы электронного правительства, и, в частности, указывалось, что оно должно быть ориентировано на граждан, облегчая им получение информации и взаимодействие с представителями власти.

Следующий президент Дж. Буш, в свою очередь, выступил с целой серией инициатив, получивших название «ртутных» («Quicksilver Initiatives» – чтобы подчеркнуть гибкость и оперативность предлагаемых услуг и их межведомственный характер). В 2002 году Дж. Буш утвердил стратегию развития электронного правительства, направленную на упрощение предоставления услуг гражданам, ликвидацию лишних звеньев, облегчение поиска нужной информации, сокращение расходов и повышение оперативности управления [18, с. 7].

В 2009 году президент Б. Обама выступил с инициативой формирования на основе электронного правительства открытого правительства. Согласно «Меморандуму о прозрачности и открытом правительстве», все федеральные органы власти должны использовать новые технологии для того, чтобы размещать и делать доступными для граждан информацию о своей деятельности, предоставлять гражданам возможность участвовать в принятии решений, использовать преимущества коллективной экспертизы и информирования, а также употреблять инновационные орудия, методы и системы для того, чтобы налаживать горизонтальные связи с другими органами власти, неправительственными организациями, бизнесом и частными лицами, повышая уровень взаимодействия и изыскивая новые возможности для сотрудничества [15].

Таким образом, процесс внедрения информационных технологий в государственное управление в США проходил под лозунгами приближения его к гражданам и максимального вовлечения их в процесс принятия решений при ориентации на воспроизведение опыта, накопленного бизнес-структурами. Этот процесс отражал специфику американской управленческой культуры, которая традиционно определяется как «административная слабость при нормативной силе» (центральная власть имеет ограниченные возможности напрямую воздействовать на нижестоящие властные звенья и на бизнес, и управляет посредством выдвигания нормативных требований) [подробнее см. 9].

Соответственно, в странах, где традиция предполагает прямое, а не нормативное воздействие на объекты управления, переход к электронному правительству базируется на иных принципах. Так, проведенный Дж. У. Сайфертом и Ч. Чуном анализ административной реформы в Китае показал, что электронное правительство в этой стране формируется для повышения эффективности работы органов власти путем ужесточения контроля над ними с целью исключить административный произвол, и, в конечном счете, направлено на поддержку экономического роста [18].

Впервые на важность информатизации (в Китае используется советский термин «информатизация», а не западный термин «компьютеризация») для модернизации государственного управления указал Дэн Сяо-пин еще в 1984 году. В 1992 году в КНР приступили к созданию автоматизированных систем управления (еще один советский термин) в органах власти. В 1997 году были сформулированы 24 основных направления китайской информатизации, включающие планирование, государственное доминирование, единые стандарты, единую архитектуру, связи между органами власти, объединение ресурсов и др.

В 2002 году был опубликован базовый Декрет № 17 Аппарата Государственного Совета КНР, в котором были изложены руководящие принципы формирования электронного правительства. В Декрете было указано на необходимость формирования доступной

для граждан базы административной информации и ускорение предоставления такой информации путем создания веб-сайтов и системы электронных сервисов. Однако более важной задачей было названо улучшение системы административного контроля и предоставления бизнес-услуг (так называемые «золотые проекты»: «Золотые налоги», «Золотая таможня», «Золотой финансовый надзор» и т. п.). Как было разъяснено в связи с принятием Декрета № 17, «посредством электронного правительства мы сможем упорядочить функции и зоны ответственности и четко распределить функции между различными подразделениями». При этом особо подчеркивалось, что переход к электронному правительству предполагает поддержание стабильности, т.е. поиск баланса между открытостью и безопасностью [цит. по 18, с. 15-16]. Размещение онлайн информации о деятельности региональных органов власти рассматривалось как важный инструмент контроля со стороны вышестоящих органов. Кроме того, в рамках электронного правительства поощрялось создание систем обратной связи, позволяющих гражданам жаловаться на местные власти (еще один инструмент контроля).

В целом выстраиваемая в КНР система носит вполне логичный характер и соответствует китайским административным традициям сильного государства с низким уровнем отчуждения граждан от власти (конфуцианство предполагает очень небольшую дистанцию власти). Напомним, что параллельно в Китае была сформирована достаточно эффективная система контроля за Интернетом, включая как технические средства защиты (т. н. «Great Firewall of China»), так и цензура сайтов.

Тем самым еще раз подтвердился сделанный Р. Роузом на основе сравнительного анализа процессов перехода к электронному правительству в дальневосточном регионе вывод о том, что для того, чтобы понять, какую роль Интернет играет в государственном управлении, требуется понять, как такое управление осуществлялось без Интернета [16, с. 338].

Данный вывод находит подтверждение и при анализе перехода к электронному правительству в России. В рамках федеральной целевой программы «Электронная Россия» (2002 – 2010 гг.) впервые был запланирован ряд пилотных проектов в сфере информатизации государственного управления. В 2008 году появилась «Концепция формирования в Российской Федерации электронного правительства» (2008 г.), где оно было названо «новой формой организации деятельности органов государственной власти, обеспечивающей за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий качественно новый уровень оперативности и удобства получения гражданами и организациями государственных услуг и информации о результатах деятельности государственных органов» [4]. Практически задача перехода к электронному правительству была сформулирована не на уровне концепций, а на уровне принятой в 2008 году «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации», в соответствии с которой к 2015 году 100% государственных услуг должны оказываться в электронном формате [7].

В 2010 г. была завершена работа над долгосрочной государственной программой «Информационное общество 2011 – 2018», которая сменила федеральную целевую программу «Электронная Россия (2002 – 2010 годы)» в качестве основного механизма финансирования процессов перехода к электронному правительству (точнее «электронному государству» – соответствующий подраздел назывался «Электронное государство и эффективность государственного управления») [2].

В конце 2011 года вышло распоряжение Правительства РФ «О внесении изменений в долгосрочную программу «Информационное общество 2011-2020 годы». В нем появился новый, ранее не имевший аналогов термин «информационное государство» и была резко усилена внутренняя, управленческая составляющая программы, связанная с развитием технологической инфраструктуры: «контекст программы вместо развития взаимодействия государство-гражданин, перекопился в сторону собственных проблем государства, сверстанных по традиционному «сметному» принципу» ([1]).

Однако в начале 2012 года в статье В. В. Путина «Демократия и качество государства» особо подчеркивалось, что «Интернет-демократия должна быть встроена в общий поток развития институтов прямой референдумной демократии» [5]. Одновременно правительство России подала заявку на участие в Международном партнерстве по открытому правительству («Open Government Partnership») и приступило к работе по раскрытию баз данных, существующих в органах власти.

Такая внутренняя противоречивость подхода имеющего набор внутренних и внешних целей, которые выступают как равноправные, а не иерархизированные, отражает особенности российской управленческой культуры. Получающийся контролируемый хаос, в котором верховный арбитр должен время от времени разрешать конфликт интересов (например, между Министерством связи и массовых коммуникаций, национальным

оператором інфраструктури електронного правительства, регіональними органами исполнительної влади і крупними вендорами) неоднократно описан в літературі).

Таким образом, концепт «електронного правительства» уверенно вписався в існуючу систему державного управління, породив цілу систему об'єктивних індикаторів, призначених свідечувати про успішний відповідь різних держав на виклики інформаційної революції.

Нормативний характер концепції проявляється в тому, що деякі з її утверджень можуть прямо суперечити практиці, однак продовжують вироблятися знову і знову. Одним з таких утверджень є заявлення про те, що електронне правительство призводить до суттєвої економії державних витрат («more with less»). Можливо, так і буде на етапі застосування вже впровадженого рішення (хоча далеко не завжди). Однак сам процес впровадження зазвичай є дуже дорогим: не випадково в останньому звіті Департаменту економічних і соціальних питань ООН (UN DESA) зазначається, що амбіційні проекти в сфері електронного правительства краще реалізовувати в період економічного підйому [19, с. 70]. Більше того, як показав Р. Хікс, до 80% (!) проектів в сфері електронного правительства або не приносять очікуваної вигоди, або призводять до провалу, тобто є витратами в чистому вигляді [10].

Іншими словами, перехід до електронного правительства – це достатньо дороге рішення, процес якого неочевидно ефективний, що абсолютно не заважає розсудити про його очевидні економічні переваги.

Незважаючи на глобальний характер дискурсу електронного правительства і розвиваних в межах цього дискурсу моделей, реальні форми використання інформаційних технологій в державному управлінні мають яскраво виражену національну специфіку, пов'язану з особливостями відповідної адміністративної культури. Далі дослідження дозволять краще прояснити цю специфіку, що, в свою чергу, сприятиме підвищенню якості рішень і якості державного управління.

В цілому можна сказати про те, що моделі електронного правительства використовуються швидше для демонстрації відповідності місцевих управлінських реформ світовим досвіду і глобальним трендам, ніж як інструмент їх формування.

### Бібліографічні посилання:

1. Бутрин Д. Інтернет-плани держави переписані [Електронний документ] / Д. Бутрин // «Коммерсант», № 239 (4780), 21 грудня 2011 року. – Режим доступу: <http://www.kommersant.ru/doc/1842877> (дата звернення 28.02.2013).
2. Долгосрочная целевая программа «Информационное общество 2011 – 2020 годы» от 20 октября 2010 г № 1815-р. [Електронний документ]. Режим доступу: <http://правительство.рф/gov/results/12932/> (дата звернення 28.02.2013).
3. Дьякова Е. Г. Переход к электронному правительству в России и международные рейтинги развития электронного правительства / Е. Г. Дьякова // В мире научных открытий. – 2011. – Вып. 4 (23). – С. 1156 – 1166.
4. Концепция формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 г. (в ред. Постановления Правительства РФ от 10.03.2009 № 219) [Електронний документ]. Режим доступу: <http://inform.irkobl.ru/sites/inform/documents/632r.php> (дата звернення 28.02.13).
5. Путин В. В. Демократия и качество государства [Електронний документ] / В. В. Путин // «Коммерсант», №20/П (4805), 06 лютого 2012. Режим доступу: <http://www.kommersant.ru/doc/1866753>. (дата звернення 28.02.13).
6. Трахтенберг А. Д. Электронное правительство: состоится ли «изобретение государства заново»? / А. Д. Трахтенберг // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук. Вып. 12. Екатеринбург, 2012 (в печати).
7. Стратегия развития информационного общества в России от 7 февраля 2008 г. № Пр-212. Российская газета. Федеральный выпуск № 4591 от 16 февраля 2008 г. [Електронний документ]. Режим доступу: <http://www.rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html> (дата звернення 28.02.2013).
8. Andersen K. V. E-Government Maturity Model: Extension of the Layne and Lee Model / K. V. Andersen, H. Z. Henriksen // Government Information Quarterly. – 2006. – v. 23. – P. 236 – 248.
9. Dobbin F. The Strength of a Weak State: The Rights Revolution and the Rise of Human Resources Management Divisions / F. Dobbin, J. K. Sutton // American Journal of Sociology. – 1998. – v. 104. – №2. – P. 441-476.
10. Heeks R. Most eGovernment-for-Development Projects Fail: How Can Risks be Reduced? [Electronic resource] / R. Heeks // IDPM i-Government Working Paper. – 2013 – no 14/ Access mode : <<http://www.sed.manchester.ac.uk/idpm/research/publications/wp/igovernment/index.htm>> (viewed 28 February 2013).
11. Khalil O. E-Government Readiness: Does National Culture Matter? / O. Khalil // Government Information Quarterly. – 2011. – v. 28. – P. 388-399.
12. Layne K. Developing Fully Functional E-Government: A Four Stage Model / K. Layne, J. Lee // Government Information Quarterly. – 2010. – v. 18. – P. 122-136.
13. Lee J. 10 Year Retrospect on Stage Models of E-Government: A Qualitative Meta-Synthesis / J. Lee // Government Information Quarterly. – 2010. – v. 27. – P. 220-230.
14. International Telecommunications Union 2011. M-Government: Mobile Technologies for Responsive Governments and Connected Societies. – Geneva.

15. Obama B. Transparency and Open Government. Memorandum for the Heads of Executive Departments and Agencies [Electronic resource] / B. Obama. – 2009. – January 21. Access mode : <[http://www.whitehouse.gov/the\\_press\\_office/TransparencyandOpenGovernment](http://www.whitehouse.gov/the_press_office/TransparencyandOpenGovernment)> (viewed 28 February 2013).
16. Rose R. Governance and the Internet / R. Rose / Global Change and East Asian Policy Initiatives. – 2004. – P. 337-364.
17. Seifert J. W. Using E-Government to Reinforce Government Citizen Relationships: Comparing Government Reform in the United States and China / J. W. Seifert, J. Chung // Social Science Computer Review. – 2009. – v. 27. – №1. – P. 3-23.
18. Siau K. Synthesizing E-Government Stage Models: A Meta-Synthesis Based on Mate-Ethnography Approach / K. Siau, Y. Long // Industrial Management on Data Systems. – 2005. – v. 105. – № 4. – P. 443-458.
19. UN Department of Economic and Social Affairs 2012, United Nations E-Government Survey 2012: E-Government for the People, Geneva, [Electronic resource] Access mode : <<http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan048065.pdf>> (viewed 28 February 2013).

**Дьякова О. Г. Перехід до електронного уряду: теоретичні моделі та національні практики.**

Існуючі моделі електронного уряду (модель Світового банку, модель Лейна і Лі, модель Департаменту з соціальних і економічних питань ООН та ін) розглядають основні стадії його формування, ігноруючи соціальний і культурний контекст, в якому відбувається його діяльність. Це, з одного боку, дозволяє проводити операціоналізацію та здійснювати моніторинг переходу до електронного уряду на рівні країн світу, а з іншого, суттєво спотворює реальну специфіку цього процесу. Як показує аналіз досвіду США, Китаю і Росії, при переході до електронного уряду ключову роль відіграють особливості національної адміністративної культури, які визначають цілі переходу, і, отже, характер прийнятих практичних рішень.

*Ключові слова:* інформаційні технології, електронний уряд, моделі переходу, операціоналізація, адміністративні традиції

**Dyakova E. E-Government Transition: Theoretical Models and National Implementation.**

The term «e-government» is now global. There are a number of models of e-government transition while the work on e-government implementation is carried out in almost all of the countries. However, the question of what are the limits of applicability of the existing models in the analysis of the concrete implementation processes remains virtually unstudied. This article describes the basic model, ensuring the establishment of international indicators of e-government development, and shows its limits based on experience the experience of the United States, China and Russia.

Such models of e-government as World Bank model, the four stage model of K. Layne and J. Lee, UN DESA model et al. consider the main stages of its formation, ignoring the social and cultural context in which this formation takes place. This, on the one hand, enables the operationalization and monitoring e-government development at the world, and on the other, significantly distorts the actual specifics of the process.

The analysis of the U. S., China and Russia experience shows that in the e-government implementation process a key role is played by national administrative cultures that define the objectives of transition, and therefore the limits of acceptable solutions.

The process of information technologies installation in public administration in the United States was held under the banner of citizen's empowerment. The officially declared aim was to maximize their involvement in the decision-making. At the same time, those who make decisions, sought process for the orientation to reproduce the experience of business, which has successfully developed e-commerce. This process reflects the specifics of American management culture, which is traditionally defined as «administrative weaknesses but normative strength» (the central government has limited ability to directly affect the local authorities and a business, and operates by extending normative requirements).

In the countries where the tradition requires direct impact on local authorities, the e-government transition is based on different principles. In China, e-government is formed to improve the efficiency of government by tightening control over the provincial and municipal levels of government and thereby eliminating conditions for abuse of power and corruption. The main objectives are to ensure sustainable development and support economic growth.

Russia is characterized by contradictory approach to e-government implementation. The government establishes a set of goals, which are equal, not hierarchized, and tries to achieve them all simultaneously, which leads to numerous conflicts between the various implementers. Resulting controlled chaos is typical for Russian management culture.

In general we can say that the e-government model is used more to show compliance of local governance reforms to the international standards and global trends, rather than an instrument of e-government implementation.

*Keywords:* information technologies, e-government, transition model, operationalization, management culture.

Надійшла до редколегії 01.03.2013 р.

УДК 32.019.51:659.4:353.9

**Г. О. Заболотня**

*Донецький національний університет*

## ВЛАДНИЙ ДИСКУРС СУЧАСНОЇ УКРАЇНИ: ОСОБЛИВОСТІ ЛЕГІТИМАЦІЇ ПОЛІТИЧНОЇ ВЛАДИ НА РЕГІОНАЛЬНОМУ РІВНІ

Досліджено політичні процеси сучасної України крізь призму методології дискурсу, розкрито сутність маніпулятивної природи політичного дискурсу та особливості концептуалізації політичного простору на прикладі аналізу Президентських дискурсів 2005-2013 років. Показано роль регіональних органів влади у поширенні та відтворенні дискурсу влади України шляхом аналізу комунікативних проєктів на рівні голови ОДА як елементів стратегії легітимації політичної влади.

*Ключові слова:* політичний дискурс, президентський дискурс, В. Ющенко, В. Янукович, тренд-вортери,